

элементов, особой «традиционности» архитектурных школ, тяготеющих к образу храма с золотыми куполами и белыми стенами) является недавним изобретением, результатом искажённой либо изобретённой, а вовсе не утерянной и возрождённой традиции. Именно изобретённый характер традиции, подразумевающий жёсткое повторение, сопряжённое со страхом перед отступлением от образца, а не творческую интерпретацию наследия, является одним из главных препятствий развитию убедительной с художественной точки зрения храмовой архитектуры, соответствующей потребностям Православной церкви XXI века.

Литература

1. Здания, сооружения и комплексы православных храмов : СП 31-103-99. – Введ. 27.12.1999. – М. : Госстрой России, 2000. – III, 34 с.
2. Кеслер, М. Храмовое зодчество: особенности, смыслы, задачи / М. Кеслер // Храмоздатель. – 2013. – № 2. – С. 12–19.
3. Массовое производство традиций: Европа, 1870–1914 [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас № 104 (6/2015) / Новое литературное обозрение. – 2014. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/6830>. – Дата доступа: 16.10.2016.
4. Панченко, Т. А. Архитектурно-пространственная организация православных центров Беларуси : дис. ... канд. архитектуры : 05.23.23 / Т. А. Панченко. – Минск, 2013. – 188 л.
5. Православные храмы : в 3 т. / Архитектур.-художеств. центр Моск. Патриархии ; авт.-сост. М. Ю. Кеслер. – М. : ГУП ЦПП, 2003. – Т. 2 : Православные храмы и комплексы : пособие по проектированию и стр-ву (к СП 31-103-99). МДС 31-9.2003. – 222 с.
6. Успенский, Л. Символика храма / Л. Успенский // Журн. Моск. Патриархии. – 1958. – № 1 – С. 47–57.
7. 20 января: Конференция «Возрождение традиций храмового зодчества». Москва [Электронный ресурс] // Богослов.Ru. – 2014. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4327157/index.html>. – Дата доступа: 26.09.2016.
8. *Invention of tradition* / ed.: E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1984. – VI, 320 p.
9. Uscinowicz, J. Exchange of values in contemporary religious architecture in Poland symbol in the dialogue between East and West / J. Uscinowicz // Vilniaus Gedimino Technikos Univ. Mokslo Žurnalai. – 2009. – Т. 33. – Р. 279–290.

Бессараб Д. А.

(Республика Беларусь, г. Минск)

БЕЛОРУССКАЯ КЛАССИКА

Если ввести запрос «Белорусская классика» в любую поисковую систему, то выбор окажется не очень широким и достаточно однообразным. В первых рядах, например, такое: «белорусские классики» и перечень: Янка Купала (1882–1942), Якуб Колас (1882–1956), Янка Мавр (1883–1971), Василь Быков (1924–2003), Алесь Адамович (1927–1994), Владимир Короткевич (1930–1984), Светлана Алексиевич (1948). Вот несколько по-другому, но в том же стиле: Иван Мележ «Люди на болоте», Василий Быков «Знак беды», Якуб Колас «На росянах», Владимир Короткевич «Дикая охота короля Стаха», Адам Мицкевич «Стихотворения». Есть еще такое, но ниже: «Белорусская классика. Мирский замок. Несвижский замок». И, как еще один вариант: «Белорусская классика – Полонез Огинского». Вот, пожалуй, и все.

Хорошо еще, что хоть вспомнили Мицкевича и Огинского. Причем Михаила Клеофаса лишь как композитора, написавшего одно произведение. А в его наследии опера «Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире», двадцать шесть полонезов, четыре марша, три мазурки, галоп и менуэт, значительное количество фортепианных пьес и пр. Причем в большинстве биографий Огинский представлен как композитор, и почему-то польский. А

он сам себя не считал профессиональным сочинителем музыки. Так, скорее крепким любителем. Музыкальные таланты лишь дополняли его основную деятельность. В Европе того времени его, прежде всего, знали как блестящего дипломата и видную политическую фигуру. По современной терминологии – менеджера высшего звена.

К этому Огинского готовили с самого детства. Растили и воспитывали как будущего государственного деятеля. Михаил Клеофас получил великолепное образование, для чего были наняты лучшие европейские учителя-гувернеры. Учеба занимала до четырнадцати часов в день. Это сейчас все очень обеспокоены, что школьники страшно перегружены, необходимо применять психосберегающие технологии, сокращать учебную программу, ну, и так далее... Тогда все было иначе. В результате, юноша свободно владеет четырьмя европейскими языками, уже в 19 лет становится депутатом сейма, в 24 – послом в Нидерландах и Великобритании, в 28 – Великим подскарбием Великого княжества Литовского (в нынешних определениях – министром финансов).

Сейчас можно делать лишь крайне необоснованные и зыбкие предположения о том, как события 1772 г. повлияли на сознание и мироощущение восьмилетнего мальчика, которого готовили к государственной службе. Может, и прошли не замеченными: ребенок все же. Но что-то подсказывает, что первый раздел Речи Посполитой не мог пройти мимо сознания Огинского, как-то отпечатался в той или иной форме. Не мог не отпечататься. И, почему-то, кажется, что именно 1793 год стал для Михаила Клеофаса годом прощания с Родиной. Полонез стал лишь некой завершающей щемящей констатацией величайшей трагедии некогда великого государства. Прощание не столько как физическое расставание с неким, хоть и родным, географическим пространством, а прощание с утраченными надеждами на возможность самостоятельного распоряжения судьбами своей страны, которая уже через год вовсе перестанет существовать как независимый субъект политического пространства Европы.

До Полонеза было участие в национальном движении за восстановление независимости Речи Посполитой и Великого княжества Литовского, формирование за свой счет батальона стрелков, участие во главе его в военных действиях. Однако, регулярная армия под водительством графа Суворова – с одной стороны, и отряды косинеров – с другой...

Сам же Огинский – типичный диссидент, к тому же еще заодно мятежник, бунтарь, беглец. Закоренелый преступник по всем меркам. Восемь лет провел в изгнании, а в 1802 г. был амнистирован Александром I и вернулся на родину, но уже в другую страну. А еще восемь лет спустя император призывает Михаила Клеофаса на государственную службу, да еще жалует звание сенатора и делает своим доверенным лицом на переговорах с Наполеоном. Следует оценить масштаб личности Огинского; его дипломатический статус в Европе и его степень влияния на европейскую политику...

А вот проект восстановления хотя бы автономии Великого княжества Литовского, хотя бы в усеченном виде, хотя бы в статусе герцогства, император, по-видимому, Огинскому не простили. Да плюс еще значительная часть шляхты в 1812 г. выступила на стороне Бонапарта. Но восхищает достоинство, честь и гордость Огинского, с которыми он до последнего предпринимал попытки отстоять независимость своей земли.

В итоге план Огинского был окончательно отвергнут, Михаил Клеофас постепенно был устранен от дел, а в 1823 г., сославшись на пошатнувшееся здоровье, Огинский теперь уже навсегда прощается с родиной и поселяется в столице Великого герцогства Тосканского, в мировой столице искусств – Флоренции.

Похоронен Михаил Клеофас Огинский в базилике Санта-Кроче, во Флоренции, где коротал последние десять лет своей жизни. Рядом с ним – пантеон великих итальянцев: Микеланджело Буонарроти, Данте Алигьери, Галилео Галилей, Никколо Макиавелли,

Леон Баттиста Альберти, Джоаккино Россини и др. и один, выражаясь современным языком, выходец из Беларуси. Равный европейским гениям.

В Санта-Кроче покоятся их тела... А где обитают их души? Может, Клеофаса Огинского в Залесье, в «Усадьбе муз»? Или в Слониме, в «Полесских Афинах», как его называли в последней четверти XVIII в., а сейчас в типичном провинциальном городке? Кто знает...

По свидетельствам современников, он не раз навещал в Слониме своего дядьку, гетмана Михаила Казимира Огинского. Еще одно незаслуженно забытое имя нашего великого соотечественника. Можно долго перечислять его заслуги, но, наверное, главное то, что Казимир превратил свою вотчину в одну из самых просвещённых музыкальных столиц Восточной Европы. Равной ей на этом пространстве, пожалуй, и не было. А начинал очень по-современному. С инфраструктуры: транспортной и общеэкономической. В прямом смысле слова.

Сначала по полесским болотам усилиями гетмана были проложены два тракта, соединяющие Слоним с Пинском и Пинск с Волынью. Для того чтобы избежать их подтопления, был сооружен ряд дамб. Следует заметить, что тракт в XVIII в. – что современный автобан. Это улучшенная грунтовая дорога (как правило, насыпалась в несколько слоев), соединяющая крупные населенные пункты. По ней шли регулярные перевозки грузов, пассажиров, почты и др. Соответственно, тракты оборудовались почтовыми станциями, трактирами и прочими, как сейчас любят говорить, «элементами придорожного сервиса». Оживление экономики вдоль трактов вело к образованию вокруг них населенных пунктов различного ранга, это, опять-таки, вело к развитию экономических отношений и т. д. В общем, запускался такой своеобразный «Perpetuum Mobile».

Дальше – больше. В течение 18 лет, с 1765 по 1783 гг. был прорыт Огинский канал, через долины рр. Ясельда (бассейн Припяти) и Щара (бассейн Немана), соединив водным путем Черное и Балтийское моря. После открытия поистине уникального для XVIII в. гидротехнического и инженерного сооружения, водный путь пролегал от Черного моря по Днепру, затем в Припять, Ясельду, непосредственно через канал, оз. Выгонощанское, а далее по Щаре и Неману до Куршского залива Балтийского моря. Непосредственно канал состоял из двух частей, начинающихся из оз. Выгонощанского: участок длиной 3,5 км впадал в р. Щару, а участок в 47 км открывался в р. Ясельда. Естественно, все гидротехнические работы производились вручную, с использованием лишь лопат, кирок, пил да топоров. А это, для разнообразия, деревянно-земляные укрепленные берега с 10 шлюзами и две пристани – Телеханы и Огинская. Проектом предусматривалось передвижение на веслах и шестах, а для буксировки судов предусматривалось наличие оборудованных берегов со специальными полосами для буксировки плавсредств с использованием конной тяги, либо волов. Впечатляет, не правда ли? Даже по современным меркам. А тогда?

Заметим, что еще в 1605 г., когда Слоним находился во владениях Льва Сапеги, город получил право склада, что обязывало купцов, которые провозили через этот населенный пункт товары, останавливаться и торговать ими. Новый водный путь еще более оживил экономику города, да и существенно пополнял казну: согласно решению Варшавского сейма, за проход по каналу взималась плата 8 злотых с каждого весла или шеста.

Когда инфраструктурная и экономическая составляющая получила соответствующее развитие, где-то начиная с 1770–1780 гг. Великий гетман Литовский основательно взялся за Слоним, очень серьезно преобразовав его. Напрашивается некоторая аналогия. Казимир Огинский был для Слонима тем же, кем во второй половине следующего века стал для Парижа барон Осман. Хотя, возможно, сравнение и имеет некоторую натяжку, но, тем не менее.

Вообще-то Слоним является одним из древнейших городов Беларуси. И хотя в Ипатьевской летописи город впервые упоминается под 1252 г., следы первых поселений

на его территории, по некоторым оценкам, относятся к XI в. И развивался Слоним с течением времени как типичный европейский город: хаотичная застройка, однако с неизменными атрибутами, присущими городам Старого Света. А именно: укрепленное городище, замок, дворец и площадь с ратушей и собором, вокруг которой располагались торговые ряды и мастерские ремесленников. В Слониме было три таких площади: торговая, к которой тяготела большая часть улиц, перед доминиканским костелом, и у синагоги. Площади связывались между собой, а к ним уже стекались все остальные улицы города. Кстати, в 1531 г. Слоним получил Магдебургское право. На лобном месте – роскошный фарный костел, кроме того в городе было пять мужских, каменных, и один деревянный женский монастырь, и униатская церковь. То есть, все предсказуемо, но и все по-своему особенно и очень индивидуально. Этим и хороши европейские города. Всегда знаешь, что рано или поздно окажешься в центральной части, у собора. Чтобы заблудиться при такой планировке – это нужно еще сильно постараться. Так и было в Слониме XVIII в. Очень точно об этой особенности писал Петр Вайль в своем «Слово в пути»: «Предсказуемость городского пространства – как раз домашнее свойство. Знакомо, удобно, рядом – это и есть «как дома».

К началу 70-х XVIII в. Великий гетман, в целом сохранив историческую планировку, основательно взялся за свою непосредственную вотчину, существенно перестроив город, и наполнив его сугубой индивидуальностью. Особое внимание Огинским было уделено собственной резиденции. К этому времени дворец, прозванный дворцом Сапеги, в котором более 50 лет (1631–1685) проходили заседания сеймиков Великого княжества Литовского, категорически не удовлетворял амбиции гетмана. В Европе повсюду хозяйничало, и во всей красе развернулось барокко, в дословном переводе означающую «жемчужину с пороком». А что взять с деревянного палаца, заложенного в 1505 г. Яном Радзивиллом Бородатым при вступлении на слонимский старостат, и законченного в 1520 г.? Двести лет эксплуатации наложили свой отпечаток, да и мода давно уже сменилась. И вот на месте деревянной, закладывается каменная, одноэтажная, курданерной планировки (П-образной в плане) резиденция с двумя боковыми деревянными флигелями. Архитектурный ландшафт осложняется манежем, зданием оперного театра, регулярным парком, оранжереей, помещениями для проживания придворных и приема гостей, и прочими постройками, в том числе и хозяйственного назначения. Естественным для строительства барочного ансамбля был и выбор архитектора – итальянец. Но, скорее, это не столько дань моде, а определенная закономерность, обусловленная быстрым распространением итальянской архитектурной моды в Европе. В этом процессе значительную роль сыграло развитие политической ситуации на континенте, а вернее, развитие военных действий (война Коньякской лиги). Так 6 мая 1527 г. войска императора Священной Римской империи Карла V практически полностью разграбили Рим. И множество художников, скульпторов и зодчих, потеряв заработки, вынуждены были искать новые места приложения своих сил, в том числе и в чужих землях, на службе у иноземных заказчиков.

Но вернемся в Слоним. Так вот. Во главе преобразований города по Огинскому был поставлен итальянский архитектор Иноченца Мораина, к нему в помощь был определен Ян Бой (Жан Бой?). Имеются отдельные сведения, что приложил руку к созданию проекта и широко известный на родине виленский губернский архитектор Кароль Шильдхауз. Наиболее значимым из сохранившихся до наших дней его творений являются едва ли не главный туристический аттракцион Пинска – дворец Бутримовича. Достаточно известна и Репнинская часовня в современном Вильнюсе.

Итак, резиденция Михаила Казимира Огинского имела 46 комнат (по иным сведениям – 116), и в плане соответствовала букве «П». Сейчас сложно судить, сколько на самом деле было помещений. Но получается очень интересная разбежка; почти аккуратно

в два с половиной раза. Согласно конструктивно-технической обусловленности архитектурной деятельности, такой ошибки не могло произойти ни при каких условиях, а значит, возможно, была допущена элементарная графическая ошибка, обусловленная, например, неразборчивостью почерка. В этом случае можно запросто 46 прочесть как 116, и наоборот. Может этим и можно объяснить столь значительное несоответствие. Попробуем разобраться. Согласно имеющимся отдельным и, скорее всего, недостаточно точным данным, центральная, каменная часть дворца, назовем ее «парадной», предназначалась для создания впечатления, организации приемов, балов, музыкальных вечеров и пр., и состояла из 10 довольно просторных помещений. Левый флигель, состоявший из 21 комнаты, оборудовался как непосредственно жилые покои гетмана и его семьи, в правом размещалась прислуга, а кроме того, там были оборудованы помещения на случай приезда гостей. Правый флигель состоял из 23 комнат. Таким образом, 10+21+23: итого 54. Гораздо ближе к 46 чем к 114. Кроме того, вполне возможно, что в расчет не принимались подсобные помещения; должна же была где-то быть кухня, кладовые и др. Так что, скорее всего, следует остановиться на 46 комнатах.

Еще до начала строительства дворцового комплекса, идут преобразования и в самом городе. Так, например, Михаил Казимир по примеру европейских стран, занимается формированием инфраструктуры сервиса, как бы ее сейчас назвали. Его ноу-хау на восточноевропейских землях – открытие сети кофеен – «кофейных домов» или «кофехаузов». Имеются сведения, что первое заведение такого типа было открыто в 1765 г., а в 1780 г. было существенно расширено и возведено из камня в два этажа. Расширились и его функции: считай первый ресторан с казино и живой музыкой.

Интересный факт. На территории Великого княжества Литовского исторически не существовала привычка чаепития. Эта мода стала постепенно и очень туго входить здесь только после разделов Речи Посполитой, когда вновь приобретенные земли стали заселяться выходцами из сословий российского происхождения. А так шляхта и те, кто мог себе это позволить, предпочитала потребление кофе, представители менее состоятельного населения в качестве горячего напитка, как правило, использовала гарбату – настой из «зелак», то есть различных трав. По-нашему – травяной настой или травяной чай.

Но главным детищем гетмана Огинского, принесшим европейскую славу Слониму, был его оркестр, а также оперная и балетные труппы. Подобно Лоренцо Медичи во Флоренции, которая при нем достигла небывалого культурного и экономического расцвета, Михаил Казимир Огинский мечтал превратить Слоним в европейскую музыкальную столицу эпохи барокко. Великий гетман покровительствовал развитию наук и искусств, тонко разбирался в музыке, получив отличное образование в этой области, был достаточно известным композитором и виртуозно играл на скрипке и арфе. Считается, что именно он изобрел подножку для арфы.

Проектировал оперный театр или «Оперхауз» как называли его тогда, естественно, Иноченца Мораина. Каменное двухэтажное здание с черепичной крышей, возводимое, опять же, естественно, в стиле итальянского барокко, располагалось между дворцом и отводным каналом, тянувшимся от Щары. По свидетельствам современников и оставшимся немногочисленным записям и инвентарным спискам, зрительный зал включал партер и два яруса лож с паркетными полами и камином, и пышную королевскую ложу, украшенную картушем с монаршим вензелем. Освещение зала было оборудовано, подстать интерьеру театра. По центру к потолку крепилась роскошная хрустальная люстра, по бокам размещались многочисленные потолочные и настенные светильники. Общая вместимость зала составляла что-то около тысячи человек.

Констатируем: к началу последнего десятилетия XVIII в. Слоним стараниями Михаила Казимира Огинского превратился в один из крупнейших музыкальных центров

Восточной Европы с блестящим оркестром, выдающейся оперной труппой и прекрасным балетом. Все последние достижения современной музыкальной культуры были доступны Слониму, и ретранслировались им на всю Восточную Европу.

Благутин Г. Р.

(Республика Беларусь, г. Бобруйск)

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: ОПЫТ ИКОНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Появление в истории искусств иконологического исследовательского направления связывают с А. Варбургом, а дальнейшее развитие – с его последователями Э. Пановски, Э. Гомбрихом и др. Направлением их научных изысканий стало истолкование содержания произведений ряда эпох, в первую очередь – картин и фресок Возрождения, с опорой на тексты и различные данные тех времён.

Начиная с первых модернистских течений и с приобретением художественным творчеством субъективизма, для иконологического истолкования конкретной картины возникла необходимость обращения к внутреннему миру автора, без чего производимый анализ, скорее всего, будет далёк от реальности.

Характер искусства нового времени, в сравнении с прежними эпохами, существенно изменился. Произошло смещение от изображения объектов предметного мира к отражению чувственного восприятия автором этих объектов либо субъективных идей. По существу, вырабатывается оригинальный изобразительный язык, с помощью которого происходит самовыражение художника. Индивидуальную манеру далеко не всех современных авторов можно отнести к чистому модернизму, однако отражение внутренней жизни, а также влияние внешних обстоятельств на творчество в большей или меньшей степени проявляется практически у всех.

Анализ творческой деятельности современного художника – достаточно сложная, интересная и многослойная работа, непосредственно связанная с его личностью, а уже затем созданными произведениями. Их формальный и иконографический анализ имеет хорошо отработанную методологию и укладывается в конкретные схемы. Несколько сложнее проводить иконологическое исследование работ и, особенно, создавать творческий портрет, когда для достижения полноты образа необходимо обращение к самым разным сторонам личности художника, опираясь в этом на весь спектр гуманитарного знания.

Исследование творчества художника начинается с погружения в его жизнь с задачей как можно глубже понять и отразить внутренний мир. В основу процесса закладываются и вполне философские задачи, главная из которых – выяснить взаимоотношение относительно друг друга двух основных философских категорий: бытия и мышления. Иначе говоря – бытие определяет сознание для конкретного человека или же сознание определяет его бытие, выявляя таким образом материалистическую либо идеалистическую природу объекта изучения. Поскольку мышление материалиста и идеалиста имеет серьёзные, даже радикальные отличия, то подобная постановка вопроса чрезвычайно важна для понимания личности конкретного художника и является первым шагом в работе.

Для установления ясности в данном вопросе хороши многие приёмы: личное знакомство и продолжительные беседы, любые интервью и встречи объекта со зрителями, устные и письменные рассказы и воспоминания самого художника и любая другая информация о его жизни и деятельности. Полезно помнить, что человек лучше всего